

Раздел V
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ, КИТАЯ И ЯПОНИИ

Part V. THE PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL INTEGRATION
OF EDUCATION OF RUSSIA, CHINA AND JAPAN

УДК 316.7 + 37.0 + 13

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
В КИТАЕ: СЕТЕВОЙ КОНТЕКСТ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ
САМООРГАНИЗАЦИИ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ
ОБЩЕСТВА

И. А. Вальдман, М. А. Куратченко (Новосибирск)

Достижения современного китайского общества на протяжении последних десятилетий в различных сферах ряд исследователей связывает со специфическим сочетанием традиционных и современных компонентов в системе социальной деятельности, присущей данному социуму. В данной статье рассматриваются социокультурные особенности процессов производства и воспроизводства знания в трансформирующемся китайском обществе. В центре внимания находится взаимосвязь образования с социально-управленческой спецификой осуществления модернизации и сетевым контекстом инноваций в Китае.

Ключевые слова: модернизация, сетевые структуры, идентичность, система образования, социальные элиты, трансформация традиционной культуры.

Вальдман Игорь Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-массовых коммуникаций факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: veritasnostra@mail.ru

Куратченко Марина Анатольевна – старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет».

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.

E-mail: mkuratchenko@gmail.com

**SOCIAL MODERNIZATIONS OF CHINESE EDUCATION:
THE NETWORK CONTEXT OF INNOVATIONS IN THE SYSTEM
OF SELF-ORGANIZATION OF THE TRANSFORMING SOCIETY**

I. A. Valdman, M. A Kuratchenko (Novosibirsk)

A number of researchers bind the achievements of modern Chinese society in various areas in recent decades to a specific combination of traditional and modern components in the system of social activities inherent in the society. This article discusses the socio-cultural features of the processes of production and reproduction of knowledge in the transforming Chinese society. The focus is on the relationship of education with the social and managerial characteristics of modernization and the network context of innovations in China.

Key words: *modernization, network structures, identity, system of education, social elites, transformation of traditional culture.*

Одной из особенностей модернизационных преобразований, как общественных трансформаций, на путь которых Китай вступил в середине XIX в., является то, что образец преобразований находится за пределами модернизирующегося социума: преобразования происходят в направлении общества, определяемого как «современное». При этом целью модернизации является ускорение социальных изменений в направлении движения к «чужой» современности [3, с. 88; 12; 13], что предполагает наличие значимого «Другого», с которым общество, вступившее на путь преобразований, соотносит себя. Необходимо отметить, что преобразования, описываемые как модернизационные, происходят в разное время и различных конфигурациях, в неодинаковой степени затрагивают различные социальные сферы, включают в себя различные методы управленческого воздействия (как преобразующего, так контрольно-стабилизирующего характера) и дают разные результаты. Это позволяет говорить об этапах или волнах модернизаций, обладающих собственной спецификой, что вполне справедливо и для китайского общества.

Для понимания специфики модернизационных процессов и определения отличий от прочих типов общественных трансформаций представляется возможным рассмотреть их как системы социальной деятельности, содержанием которой является обмен деятельностью между основными субъектами: трансформирующимся обществом (субъектом) и обществом, по модели которого происходят преобразования (контрсубъектом). Обмен деятельностью постоянно изменяет субъектов, а тем самым и систему в целом, являясь источником ее постоянного обновления [10, с. 148–149], то есть источником для саморазвития системы.

Для системы модернизационных преобразований в качестве ведущей социальной деятельности, внутренне опосредующей рефлекслируемые и реализуемые изменения, можно рассматривать процесс формирования идентичности (идентификации). Идентификация является процессом соотношения субъекта с чем-либо в связности и непрерывности собственной изменчивости [8, с. 79]. Содержанием процессов формирования идентичности является обмен живой и опредмеченной деятельностями, реализуе-

мый посредством разноуровневых заимствований: феномены «чужой современности», подлежащие освоению и служащие для форсирования изменений и сокращения различий между субъектом и контрсубъектом. Таким образом, посредством заимствований технологий, институтов, норм, ценностей постулируется ожидаемая перспективно-динамическая тождественность социумов. Так или иначе речь идет об овладении знанием, присущим контрсубъекту.

Формирование специфических социальных идентичностей в ходе модернизационных преобразований общества примечательно проявляет сетевой характер данных процессов.

Необходимо отметить, что социальные сети характеризует некое «*несплошное*» покрытие относительно больших географических и социальных пространств, позволяющее не только поддерживать контакт между отдельными узлами (звеньями), но и оказывать системное воздействие на окружающие социальные контексты, которые таким образом становятся в положение управляемых (контролируемых) объектов. Сетевым структурам присуще *удаленное взаимодействие* входящих в них элементов; потенциально – во всемирном масштабе. В описании и самом существовании локальных социумов выявляются характеристики, существование которых объясняется не просто влиянием внешних факторов, но и тем, что данный локальный социум дифференцирован на многие различные группы, входящие в качестве элементов в системы социальных взаимодействий с иными удаленными социальными образованиями, распределенными по обширным пространствам, актуально необозримым и неподконтрольным локальным социальным регуляторам.

Такое включение в удаленные социальные взаимодействия оказывает на указанные элементы все большее влияние, нежели их принадлежность к локальной социальной организации, в рамках которой элементы разных социальных сетей создают сложную картину взаимопереплетения и конкуренции за контроль над ресурсами и социумами от лица и/или с помощью представляемых сетевых образований (см. : [1, с. 142]).

В случае модернизационных преобразований подобными элементами сети становятся основные субъекты общественной элиты (политической, экономической, культурной), очевидно играющие в описываемых процессах более активную роль, чем массы. Происходит это в том числе вследствие большего доступа элит к знаниям (путем включения в модернизационные процессы и постулируемым тождеством с Другим), а также наличия навыков обращения с этим ресурсом. Таким образом, в модернизационном контексте системе образования особая роль отводится не только в передаче уже существующих знаний, но и подготовке корпоративного сообщества, готового это знание (зачастую чужое) адекватно воспринять и реализовать в практиках.

Традиционная китайская образовательная система оказалась в высокой степени приспособлена для выполнения описанных выше функций. Прежде всего, ведущую роль здесь сыграли более явное, нежели в других странах, совмещение и взаимообусловленность процессов обучения и отбора кадров. Еще во времена династии Хань (II–I вв до н. э.) философ, советник императора Дун Чжуншу предлагал: «Создавать университеты, чтобы обу-

чить [кадры] для всего государства, создавать местные учебные заведения, чтобы обучить [кадры] для города» [2, с. 10]. Таким образом, в Китае на протяжении веков главной функцией системы образования было воспроизводство чиновников, а деятельность учебных заведений рассматривалась как важная часть жизни государства. Система образования была необходимой составной частью контрольно-квалификационной власти, регулирующей основные социальные «лифты» в гражданской и отчасти в военной администрации. Сетевая система корпорации шэньши (ученых–чиновников) позволяла осуществлять воспроизводство кадров даже в самые тяжелые для государства кризисные периоды (политической раздробленности, смены династий и т. д.).

Еще одной важной чертой китайской традиционной культуры является относительно высокая авторитарность знания. В Древнем Китае не сложилось сколь-нибудь выраженного противопоставления мифа и логоса. По словам В. Малявина: «в поисках назидательных уроков истории, китайцы обращались не к живой памяти современников, а к «высокой», незапамятной древности» [6, с. 18]. В результате процесс образования в Китае – это переливание из «большого сосуда в малый». Сам термин «учеба» записывается в китайском языке двумя глаголами [xue] и [xi], которые можно перевести как «учить» и «повторять». Культ знаний, пиетет перед преподавателем, то есть человеком, знаниями обладающим, вера в истинность печатного или рукописного текста не позволяют ученикам ставить что-либо под сомнение. Ученик не должен сомневаться.

После близкого знакомства с европейской цивилизацией, в ходе военно-политических и торгово-экономических взаимодействий в середине-второй половине XIX в. (подписание 26 августа 1842 г. Нанкинского мирного договора, явившегося результатом первой «опиумной» войны и установившего международно-правовые основы отношений между Китаем и Западом, а также определившего включение страны в европейский контекст, задав тем самым принципиально новый вектор развития региона), перед Китаем встал вопрос об интеграции в новую структуру мировых отношений. В этот период система образования в Китае, как и остальные сферы жизни, в соответствии с модернизационной парадигмой подверглась трансформации.

Являясь для случая модернизационных преобразований внутренним опосредованием процессов формирования идентичности с обществом-образцом для собственных преобразований, заимствования на протяжении всего времени трансформаций осуществляются различными способами, которые отражают используемые механизмы адаптации нововведений к существующим социальным реалиям в зависимости от структуры идентичности субъекта. Так, для Китая процесс освоения заимствований и их применения был неразрывно связан со специфической «апробацией традицией»: сказать, что новое вытесняло старое, было бы упрощением; напротив, легитимация новации осуществлялась посредством традиционно-го, то есть происходило своеобразное сочетание традиции и модернизируемых элементов общественной жизни, включаемых в актуальную реальность Китая и его отдельных регионов посредством ряда способов.

Одним из характерных для Китая способов является вписывание новации в традиционную форму. Пример из области экономики: в период проведения политики «самоусиления» (1862–1894) цинским правительством были созданы предприятия особого типа – так называемые «казенно-частные компании», делившиеся на две категории: «казенный контроль и торговое предпринимательство» и «совместное предпринимательство казны и торговцев». Данные термины были заимствованы из традиционной практики – они означали сдачу какой-либо государственной монополии (например, соляной) на откуп частному лицу под контролем специальных чиновников [7, с. 79]. В новых условиях товарное производство, относительно свободный наем рабочей силы сочетались с натуральными государственными поставками сырья, с широкими полномочиями чиновников, являвшихся основателями смешанных компаний, с использованием части прибыли на нужды казны и т. д.

Чиновники, назначенные управляющими на государственные и смешанные предприятия, рассматривали их как некоего рода дополнение к традиционной управе-присутвию [уамен]. Таким образом, имело место своеобразное сочетание завода и управы: в новых условиях товарное производство, относительно свободный наем рабочей силы сочетались с натуральными государственными поставками сырья, с широкими полномочиями чиновников, использованием части прибыли на нужды казны, привлечения в качестве рабочих демобилизованных солдат и т. д. В компаниях подобного рода, объединявших в себе признаки фабрики и «ямэня», акционеры из простых сословий несли ответственность за убытки, обязательность прибыли, но «права голоса» не имели: «По западному образцу собирались годовые собрания всех акционеров для обсуждения хозяйственных итогов, но их ход и решения определялись всевластием управляющего и его заместителей при безгласности рядовых пайщиков. Управляющий и его окружение прислушивались только к мнению традиционной элиты – чиновников, их родни и протеже» [7, с. 80–81].

Данный механизм осуществления заимствований (вписывание новации в традицию) применялся не только в производственной сфере – подобные практики имели место и в системе образования. Так, первое поколение реформаторов (Чжан Чжидун, Лян Цичао, Кан Ювей) планировало создать в Китае единую государственную образовательную систему по образцу Франции и Германии (т.е. западного образца). Кроме того, с 1860-х гг. на территории Китая появляются учебные заведения, созданные иностранцами, большое количество молодежи (включая будущих политических лидеров) направляется на учебу за границу. Сеть учебных учреждений нового типа создает *полу-европейски*? образованную элиту, которая становится основным агентом модернизации, подкрепляя вносимые инновации собственной корпоративной сетевой солидарностью. Примечательно, что в этот момент происходит жесткое разграничение преподавания западных (естественнонаучных) и национальных (гуманитарных) дисциплин. Чжан Чжидун писал: «Китайская школа – для изучения китайских наук; западная – для изучения иностранных наук; первые врачуют душу, вторые нужны для познания мира» [2, с. 15]. Подобная рефлексия приводит к тому, что идентичность новых специалистов представляет собой сочетание, с

одной стороны, китайской традиции, а с другой – европейской новации.

Как уже отмечалось, данная традиция разграничения «своего» и «чужого», вписывания новации в традиционные рамки является привычной для Китая формой заимствования. Данное явление имеет место и в системе современного образования в Китае. Система подготовки специалистов в КНР, как и на Западе, имеет трехуровневую структуру: первая ступень [benke] идентична европейскому бакалавриату, срок обучения – 4–5 лет. Следующий этап [yanjiuyuan] – магистратура, срок обучения – 2–3 года. Третья ступень [boshi] – соотносится с PhD. Однако при наличии такой «европеизированной» структуры подготовки методы обучения остаются теми же, что и во времена Конфуция, – учить и повторять, тогда как в западной системе от магистранта и аспиранта требуются элементы креативной деятельности и критического познания. В этом контексте примечателен один из типов экзаменов в современной высшей школе – «экзамен с книгой», суть которого состояла в наиболее правильном изложении рассматриваемого вопроса, цитирования с опорой на учебник. В числе главных качеств выпускника – будущего элемента корпоративной среды участника сетевых связей, оказывается умение работать в команде, готовность к подчинению, верность научным традициям и авторитетам, что ориентирует не столько на индивидуальное творчество, сколько на реализацию полученного потенциала и подкрепление его в социально-сетевых контактах с представителями корпоративной элиты.

Сегодня известно активное участие китайских ученых в научно-исследовательской деятельности как в Китае, так и за рубежом. Однако их основные достижения весьма редко происходят в научно-исследовательских центрах и лабораториях Китая. Китайские коллеги добиваются наиболее выдающихся результатов, «прорывов», прежде всего, будучи включены в иную (европейско-американскую) сетевую среду. Так, за всю историю самой знаковой в области науки – Нобелевской – премии удостоены всего два китайца Цзундао Ли в 1957 г. и Чарльз Куэн Као в 2009 г. – за достижения в области физики. Необходимо отметить, что в первом случае ученый получил премию, работая в Чикагском университете (США), во втором случае нобелевский лауреат получил образование в Великобритании.

Включение в иной (европейский, американский) социально-сетевой контекст нередко начинается с учебы за рубежом. За последние 20 лет около 400 тыс. студентов выехали на учебу за границу, свыше 200 тыс. чел. уже вернулись на родину. В то же время Китай активно привлекает иностранных преподавателей и специалистов в свои университеты и технопарки [9, с. 53]. Отличительной чертой вузовского образования в КНР является преобладание в программах естественно-технических и прикладных дисциплин – около 60 % студенческих мест. Для сравнения, в США эта доля составляет 14 %, в Таиланде 22 %, в Японии 26 % и 30 % в Малайзии [8, с. 54]. При этом поддержание данных пропорций, содержание программ обучения находятся в КНР в сфере государственного регулирования. Проблеме трудоустройства выпускников уделяется особое внимание государством и обществом. Так, к сентябрю 2003 г. работу нашли 70 % выпускников вузов [4, с. 156]. Связано это как с востребованностью квалифицированных кадров для решения промышленных, экономических задач,

стоящих перед КНР, так и с определенной спецификой трансформаций в различных социальных сферах. Л. Пай указывает на то, что общественные ценности и установки неодинаково преобразуются в процессе модернизации. По мнению исследователя, наиболее динамично трансформируется типология производства, а мотивация деятельности личностей и групп остается неизменной до тех пор, пока культура сохраняет целостность [5, с. 155].

Социально-сетевую общность представителей китайской элиты, реализующей настоящий этап модернизации общества, можно увидеть и в очевидной специфике кадровой политики, пополняющей высшее руководство страны из числа представителей общего кадрового резерва на основе не столько регионально-клановой, сколько корпоративно-университетской идентичности.

Так, можно отметить, что традиционно наибольшее количество государственных деятелей КНР являются выпускниками университета Цинхуа. Из девяти ведущих членов постоянного комитета Политбюро КПК четверо являются выпускниками указанного учебного заведения, в частности, действующий генеральный секретарем ЦК КПК председатель КНР Ху Цзинтао, член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель ПК ВСНП У Банго, член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, директор Народного банка Китая с 1993 по 1995 г., председатель Госсовета КНР с 1998 по 2003 г. Чжу Жунци и др. Среди множества выпускников Пекинского университета, значимых фигур в китайской элите, можно отметить бывшего министра иностранных дел КНР Ли Чжаосина, действующего заместителя председателя Госсовета КНР Ли Кэцяна, губернатора провинции Хэнань Го Гэнмао, заместителя председателя Высшего народного суда КНР Си Сяомина, губернатора провинции Шэньси Чэнь Дэмина [11].

Таким образом, рассмотрение модернизационных процессов с учетом сетевого характера взаимодействующих структур позволяет увидеть еще одну роль университетов в китайском обществе – не только как центров специфической «институализации мышления», но и как поставщиков лояльной государству элиты. Учет роли данного корпоративного сетевого сообщества, объединенного общими целями, имеющего схожие ценности, постулирующее тождество предыдущим поколениям, позволит по-новому взглянуть на процессы производства и воспроизводства, происходящие в китайском социуме, оценить возможности социальной адаптации в рамках трансформирующегося общества, проанализировать описания и самоописания его основных субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Valdman I. A.** The network structures: virtualization and adaptation in modern society // *Философия образования : спецвып.* – 2009. – №2. – С. 141–146.
2. **Боревская Н. Е.** Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. – М. : Вост. лит., 2003. – 271 с.
3. **Капустин Б. Г.** Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998. – 308 с.
4. **Китайская Народная Республика в 2003г.:** политика, экономика, культура / под ред. М. Л. Титаренко. – М. : Русская панорама, 2004. – 407 с.

5. Лурье С. В. Историческая этнология. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
6. Малявин В. Империя ученых. – М. : Европа, 2007. – 384 с.
7. Непомнин О. Е., Меньшиков, В. Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 334 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – М. : Мысль, 2001. – Т. 2.
9. Салицкий А., Фисюков В. Образование в Китае: достижения и проблемы // Платное образование. – 2005. – № 3. – С. 50–55.
10. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 304 с.
11. Сайт правительства КНР. – URL : www.gov.cn
12. Скачкова Н. В. Проблемы модернизации российского образования // Философия образования. – 2007. – № 2(19). – с. 32–38.
13. Ромм Т. А. Социальность современного образования как интенциональная установка Болонского процесса // Философия образования. – 2005. – № 3(14). – с. 37–42.

УДК378 + 316.7 + 008

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ян Фан (Шэньян, Китай)

Усовершенствование методической системы в русле принципа овладения иностранным языком в неразрывном единстве с освоением иноязычной культуры приобретает статус стратегической задачи. Поскольку культуру в целом изучает наука культурология, то для системы обучения русскому языку как иностранному в настоящее время важное значение имеет использование лингвокультурологического подхода, благодаря которому в процессе обучения устанавливается тесная взаимосвязь между языком и культурой.

Ключевые слова: язык, культура, общение, обучение.

A CULTUROLOGICAL ASPECT IN THE CHINESE STUDENTS TRAINING

Yang Fang (Shenyang, China)

Improving the methodical system according to the principle of mastering the foreign language together with learning the corresponding culture is acquiring the status of a strategic task. Since the culture as a whole is studied by the science of culturology, the usage of the linguo-cultural approach is very important now for the system of teaching Russian as foreign language. Thanks to this approach a close connection between language and culture is established in the process of training.

Key words: language, culture, communication, teaching.

Ян Фан – магистр филологических наук, доцент, преподаватель русского языка факультета иностранных языков Шэньянского политехнического университета.
E-mail: yangfang2010@yandex.ru